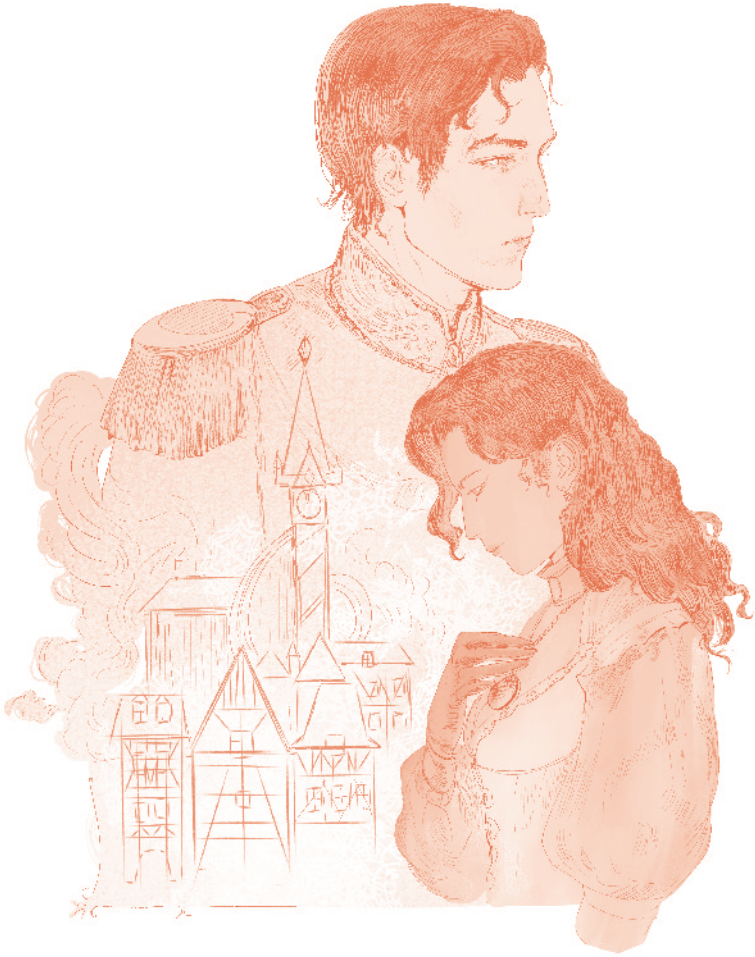
ЩЕЛКУНЧИК

А. РАЙНЕР

А. Райнер

ЩЕЛКУНЧИК

Новогоднее волшебство не запретить.



Часы пробили раз,

или Время, когда всем полагается грустить

Двадцать девятое декабря

НАМ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ЖИТЬ во времена гармонии и расцвета, когда Тевтонское королевство наконец-то достигло пика своего величия! Однако это случилось не столько из-за технического прогресса, сколько благодаря порядку и грамотному разделению столицы на обособленные районы.

Сегодня Бригенберг — город, где каждому отведена роль и четко поставлена задача. Город, где каждый исполняет свою миссию, подобно шестеренкам в едином, слаженно работающем механизме.

Из агитационной листовки

Бригенбе́рг был поистине удивительным технологичным городом. На картах и чертежах он напоминал распустившийся цветок маргаритки. Сердцевиной служил дивной красоты королевский дворец с прилегающим к нему роскошным вечноцветущим садом. От сада во все стороны расходились лепестки — богатые кварталы. Их называли Теплыми. Благодаря сотням или, быть может, даже тысячам пышущих жаром печей, расставленных на улицах, площадях и между домами, там всегда царила влажная, почти тропическая жара. Жить в Теплых кварталах дозволялось лишь самым уважаемым членам общества: инженерам, ученым, механикам, врачам, банкирам, фабрикантам и, конечно же, крысоловам.

Остальным полагалось ютиться за Торговым кольцом, в трущобах, официально именуемых Нижним Бригенбергом, которые в народе прозвали Кварталами бедняков.

Тут-то вместе со своим крестным и жила семнадцатилетняя Мари.

Родителей своих она не знала. Младенцем ее подбросили на порог дома мастера Дроссельмейера. В корзинке рядом с малышкой,

завернутой в кружевное одеяльце, находились музыкальная шкатулка с танцующей балериной и серебряный медальон-сердечко с выгравированной буквой Ш. Внутри медальона хранилась самая большая для всякого брошенного ребенка ценность — миниатюрные портреты отца и матери.

Поскольку никто не знал, в какой именно день девочка появилась на свет, в документы вписали дату, когда ее нашли, — тридцать первое декабря.

— В тот день, Мари, ты стала моим *новогодним чудом*, — любил повторять крестный, ставший впоследствии не только ее опекуном, но и прекрасным отцом, пускай и не кровным.

Такое сравнение Мари одновременно и радовало, и пугало.

— Крестный, пожалуйста, больше не упоминай о чудесах! Вдруг кто услышит? — в страхе просила девочка, поскольку только за одну эту фразу его могли пожизненно посадить в тюрьму.

— Но ведь так и есть, — простодушно пожимал плечами Дроссельмейер, возвращаясь к делам. Казалось, нарушать законы он сов-

сем не боялся, отчего маленькая Мари волновалась за него еще сильнее.

С Великой войны между людьми и крысами минуло почти два десятка лет, однако страх перед грызунами оставался по-прежнему силен, а всякая магия была под запретом.

Историю эту знал каждый: в канун Нового года, когда наследному принцу Вильгельму Эттингену был всего год, двери дворца распахнулись для всех желающих. Тогда Бригенберг был цельным, еще не разделенным на кварталы городом, где все жили в довольстве и достатке. Народ искренне почитал королевскую семью, а потому во дворец в тот день поспешили всяк и каждый. Не скупясь, верноподданные складывали под большой нарядной елкой пестрые коробки, перевязанные лентами с бантами, и умилялись светловолосому голубоглазому малышу, что сидел на руках у королевы Фриды. А маленький наследный принц хлопал в ладоши, смеялся и радовался тому, чему обычно радуются дети, — вниманию, улыбкам и подаркам.

Когда же стрелки на часах приблизились к двенадцати, собравшиеся за длинным праздничным столом гости затихли и с замиранием сердца стали ждать новогоднего чуда.

Согласно давней традиции, под бой курантов полагалось загадывать желание, которое непременно сбудется. Ведь именно в новогоднюю ночь, по устаревшим ныне поверьям, магия окутывала весь мир, отчего исполнялись любые, даже самые смелые, мечты. Людская вера в чудеса усиливала волшебство, притягивала его из звездных космических далей и приумножала.

Вот только магия — сила ненадежная, а потому опасная. Она без разбору служит всем, кто того пожелает, даже злодеям.

В тот роковой вечер крысы смогли подчинить себе эту стихию. Благодаря новогоднему волшебству они поднялись на задние лапы, увеличились в размерах, став почти такими же высокими, как люди, и научились разговаривать. Затем они вооружились кто чем сумел. Обуреваемое жаждой мести дикое полчище крыс во главе со своей ужасной королевой Крессидой ворвалось во дворец и бросилось в тронный зал.

Всех, кто пытался им помешать, Крессида тут же превращала в горстку пепла. Без труда расправившись со стражей, ликующие крысы-переростки распугали нарядных гостей и с визгом набросились на праздничные угоще-

ния. А обозленная на весь человеческий род Крессида двинулась прямиком к королевской чете. Она обвинила короля и королеву в том, что люди из века в век изгоняли и уничтожали крыс, как самых опасных вредителей и разносчиков заразы. И сколько король Зигфрид Эттинген ни пытался договориться с обиженной Крессидой, усмирить ее гнев не удалось.

Высказав все, что накипело, Крессида трижды щелкнула облезлым хвостом. Первым щелчком она убила короля. Вторым изуродовала его жену Фриду. А третьим прокляла наследного принца, чтобы он вовек не смог править.

Останавливаться на этом Крессида не собиралась. Продолжая шипеть и скалиться, она начала подниматься по золотым ступеням к трону, намереваясь занять его. И тут в зал ворвались вооруженные солдаты. Один из них и пристрелил крысиную королеву.

В тот же миг между крысами и людьми вспыхнула жестокая битва, продлившаяся несколько кровавых месяцев. Она закончилась поражением крыс, но унесла жизни многих храбрых воинов. А престол в качестве регента заняла овдовевшая королева Фрида, с тех пор прячущая изуродованное лицо под искусно

сделанной маской и страшащаяся всякой магии.

Новым указом она велела считать новогоднюю пору временем великой скорби, и траур в эти дни соблюдался и по сей день. Магия же стала запретной стихией, обращаться к которой было строжайше запрещено, ведь даже за проявление малейшего интереса к колдовству грозила смертная казнь.

Уже в начальной школе детям вбивали в головы, что магия есть зло. Противоположностью ей была механика. Все учителя, как один, твердили, что, в отличие от волшебства, механика понятна и предсказуема. Она поддается логике, прогнозам и расчетам, а еще требует выдающегося ума, дисциплины и порядка, в то время как для магии необходима лишь вера в так называемое чудо.

Верить в чудо тоже строжайше запрещалось. Особенно в самое главное — новогоднее.

Поэтому в декабре извилистые улочки Бригенберга выглядели так же, как и всегда: не было ни уличных украшений, ни веселых ярмарок, ни толп нарядных горожан. В Теплых кварталах под Новый год закрывались парки и не работали карусели, чтобы даже дети не оскорбили смехом и весельем память о погиб-

шем короле, о заколдованном принце и о всех павших воинах.

Что именно случилось с наследным принцем, никто толком не знал. Это было государственной тайной, так что не посвященным в дела короны оставалось только гадать, какая страшная участь постигла Вильгельма Эттингена и сможет ли он когда-нибудь восстановиться.

Годы шли. Многие люди стали всерьез опасаться любого упоминания магии. В их умах укоренилось представление, что всякое волшебство есть происки злых сил и что от него случаются одни лишь беды. «Недаром в Средневековье ведуний и колдунов сжигали!» — вспоминали одни, а другие согласно кивали, приговаривая: «Чур, чур, чур!» На смену забытым добрым сказкам пришли жуткие россказни о ведьмах, похищающих детей, и страшные истории о феях, крадущих время чужой жизни вместе с выпавшими молочными зубами, о коварных джиннах, что обманом заставляют загадывать желания, но исполняют их так, чтобы сделать загадавшего несчастным, и о злобных гномах, по ночам ворующих деньги из кошельков.

Как и все, Мари боялась непознанного. И все же продолжала хранить вещи, доставшиеся ей от родителей, несмотря на то что на них были запрещенные изображения. Узнай стражи порядка, что на серебряном медальоне выгравирована волшебная палочка, его хозяйку тотчас же упекли бы в тюрьму. Мари любила разглядывать искусную гравировку: увенчанная пятиконечной звездой палочка словно застыла в момент взмаха, осыпая все вокруг крошечными искорками. Стоило покрутить медальон в руках — и свет начинал преломляться так, что казалось, будто искры и вправду мерцают, а палочка в самом деле движется.

Еще была музыкальная шкатулка… С ней дело обстояло сложнее и опаснее, поскольку маленькая балерина в ней представала в образе снежинки. Это угадывалось по узорчатой пачке и по диадеме, украшающей прическу танцовщицы. А на внутренней стороне крышки шкатулки были искусно нарисованы заснеженные домики, полукругом стоящие на площади, в центре которой — о ужас! — высилась наряженная новогодними игрушками и гирляндами ель. Далекое напоминание о былых временах…

По вечерам, лежа в постели и с головой накрывшись одеялом, Мари с грустью рассматривала то крутящуюся в шкатулке балерину, то портреты в медальоне. Думая о том, на кого из родителей похожа больше, отмечала свое сходство и с папой, и с мамой. У них были очень добрые лица. По мнению Мари, это о многом говорило, как и оставленные ими подарки. Вряд ли тот, кто хочет просто избавиться от ребенка, станет класть в корзину свою фотографию.

Мари была убеждена, что родители ее любили и не хотели с ней расставаться, просто так сложились обстоятельства. Интуиция подсказывала, будь они живы, то обязательно бы ее разыскали. Но, увы, вероятнее всего, мама и папа погибли во время восстания крыс, когда смерть ежедневно забирала тысячи жизней ни в чем не повинных людей.

— Улицы Бригенберга было тогда не узнать, — с содроганием вспоминали очевидцы. — Кровь лилась всюду, делая снег багряным. Страшное было зрелище, н-да-а-а… Крысы прогрызали двери домов и нападали на людей. Никто не был в безопасности. Укрыться нельзя было ровным счетом нигде: ни в подвалах, ни в кладовых, ни на черда-

ках. Оставалось лишь молиться и верить, что доблестная армия защитит нас от крысиного нашествия…

После окончания войны королева Фрида первым делом развернула масштабную кампанию по уничтожению грызунов. Крысиный яд поставлялся бесплатно во все, даже самые отдаленные, районы Бригенберга. Заряженные крысоловки должны были находиться в каждом доме, в каждой комнате. За соблюдением этого правила строго следили патрульные комиссары, а профессия крысолова стала самой востребованной и высокооплачиваемой.

Каждый мальчишка мечтал после школы выучиться на крысолова. Даже некоторые девочки грезили о таком будущем. Стать крысоловом означало быть героем, защитником людей, хранителем покоя и мирной жизни. А вот Мари, сколько себя помнила, мечтала стать балериной. Свято веря, что таково ее истинное призвание, уже в пятилетнем возрасте она заявила крестному, что хочет учиться танцевать.

— Мне кажется, что мама и папа тоже этого хотели, — поделилась она своей догадкой,

слушая тихую мелодию шкатулки. — И поэтому оставили мне это.

— Хочешь учиться балету — так тому и быть, — поддержал ее крестный.

Не поскупившись на расходы, он отдал Мари в лучшую балетную студию Нижнего Бригенберга, где она занималась усерднее всех. Такова была ее дань уважения родителям. Раз за разом оттачивая сложные па, Мари думала о том, что, возможно, идет по стопам матери. Когда же хореографы ее хвалили, отмечая врожденную пластичность, грацию и гибкость, девушке казалось, что мама с папой, наблюдая с небес, тоже это слышат и гордятся ею.

Сегодня должно было состояться ее первое выступление в качестве примы. Более того, Мари послужила идейным вдохновителем постановки, помогла хореографу продумать номер, договорилась о месте, где пройдет представление, и сама сшила сценический костюм. Пускай выступать придется не в театре, а всего-навсего на подмостках, установленных на торговой площади, Мари все равно волновалась, ведь на кону было ее будущее.

Для того чтобы слух о прекрасной балерине долетел до Теплых кварталов, выступление